

С.М. Брилиант

Г.Р. Державин

**Его жизнь, литературная
деятельность и служба**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
С11

C11 **С.М. Брилиант**
Г.Р. Державин: Его жизнь, литературная деятельность и служба / С.М. Брилиант – М.: Книга по Требованию, 2021. – 62 с.

ISBN 978-5-4241-2446-4

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-2446-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© С.М. Брилиант, 2021

С. М. Брилиант
Г. Р. Державин. Его жизнь,
литературная деятельность и
служба
Биографический очерк
с портретом Державина,
гравированным в Лейпциге
Геданом

Глава I

Детство. – Гимназия. – Служба

Гавриил Романович Державин, «певец Фелицы», родился, по преданию, в местечке Кармачи или Сокуры, Лашевского уезда Казанской губернии, в verstах в 40 от губернского города. Появление на свет ребенка – всегда событие. На этот раз оно имело немаловажное значение и для потомства. Державин родился в воскресенье 3 июля 1743 года, и был назван по празднуемому 13 числа этого месяца собору архангела Гавриила.

Место его рождения обозначили мы выше «по преданию». В 1862 году один из владельцев Кармачей показывал биографу поэта место под горой, где некогда стоял дом Державиных, а в то время находился грунтовой сарай. Ту же честь приписывает себе, однако, местечко Сокуры, где поэт в самом деле провел часть детства.

Сам Державин считал себя прямо уроженцем Казани, отождествляя родину с городом, где он вырос, воспитывался, приобрел первые знания и зачатки стремлений к литературной и гражданской деятельности.

Родители поэта – небогатые мелкопоместные дворяне – не мечтали ни о славе, ни о роскоши для сына. Роман, отец поэта, служил в разных гарнизонных полках, и первое детство Гавриила Романовича прошло в разъездах. Оно напоминает во многом детство Крылова. И его первой учительницей была мать. Так же рано умер отец и так же много мытарств выпало на долю матери с сыном. Наделенный той же выносливостью вышел в путь человек с врожденным умом и талантом. Дорога вела не к вершине славы самородного гения, но Державин нашел свою судьбу и оставил нам историческое наследство.

Происхождение Державина от мурзы Багрима листило впоследствии его воображению и доставляло любимую поэтическую прикрасу. Оно подтверждается семейными документами, в которых содержатся сведения, что этот мурза в княжение Василия Васильевича Темного, в XV столетии, выехал из Большой Орды служить на Русь, был крещен самим великим князем в православную веру и при этом получил имя Ильи. Ему пожалованы были вотчины в нынешних Владимирской, Новгородской и Нижегородской губерниях. От сыновей его произошли Нарбековы, Акинфовы, Кеглевы. У Дмитрия Ильича Нарбекова был, в числе других детей, сын Держава, начавший службу в Казани. Так возник род Державиных, которые «служили по городу Казани дворянскую службу», почему и называются в актах «Казанцами».

Здесь не место входить в подробности истории рода: они изложены документально в 8-м томе академического издания сочинений Державина. Родители поэта, Роман и Фекла Державины, жили то в казанской деревне, то в губернском городе. Они вели тихую, но не всегда спокойную жизнь, потому что должны были часто тягаться с соседями. Обстановка этих волнений не только ярко рисует быт и нравы эпохи, но дает ценный материал для характеристики самого поэта, каким мы его увидим вскоре, с наследственными чертами запальчивости, заносчивости, чрезмерных притязаний и т. п. Главная тяжба родителей окончилась только в 80-х годах прошлого (XVIII. – Ред.) столетия, когда никого из них уже не было в живых, а сам поэт, автор «Фелицы», осыпанный милостями Екатерины, имел влияние в Сенате и высших сферах.

Тяжба эта была результатом давней вражды отца поэта, секунд-майора Державина, с соседом по именианию – отставным полковником Я.Ф. Чемадуровым. В 1742 году Державин был в гостях у соседа, а вслед за тем подал в губернскую канцелярию члобитную, в которой жаловался, что Чемадуров, задумав лишить его жизни, поил каким-то «сособливым крепким медом», отчего Роман Державин, по собственному сознанию, «стал быть не без шумства». Тогда Чемадуров приказал своей прислуге и людям бывшего тут же шурина своего, *недоросля* Белавина, бить Державина до смерти, и они, ставив его с лошади, жестоко избили, вынули у него из кармана кошелек с деньгами, золотую медаль, печать, золотой перстень, у снятой с него шпаги изогнули клинок и «столкали его с двора»; от таких побоев он был сколько-то времени болен.

Из производства дела, возникшего по этой жалобе, видно, что в числе свидетелей, на которых ссылался Роман Державин, были также отец его и мачеха, а в нанесении побоев участвовал калмык Иван, которого истец, на основании тогдашних законов, просил подвергнуть пытке. Со своей стороны Чемадуров в оправдание свое говорил, что он, приглашая Державина в гости, никакого злого умысла не имел, поил его тем же медом, который и сам пил; Державин же, кроме того, пил водку и пиво и, сделавшись пьяни, всячески бранил Белавина. Чемадуров стал говорить ему, чтобы он унялся или отправился домой, но Державин, выйдя на крыльцо, ругал хозяина «непотребными словами» и бил его двоюродного брата Останкина; затем сел на лошадь, *обнажил шпагу и гонялся с нею по двору за людьми*; тогда Чемадуров велел отнять у него шпагу и свести его со двора.

Наш поэт, зная кровь свою, опасался всегда крепких напитков; тем не менее мы скоро увидим, как оказывались в нем эта отцовская кровь и черты наследственного быта.

Поэт наш родился таким малым, слабым и тощим, что сочли нужным, по местному обычаяу, запекать его в хлебе. На пятом году он научился от матери читать. Затем первыми учителями его были «церковники», как он выражается, вроде, конечно, Кутейкина, а также Вральманы и Цыфиркины.

Рано началась для маленького Гавриши кочующая жизнь благодаря командировкам отца в разные города на Волге. Быть может, этот род жизни как раз содействовал укреплению здоровья будущего маститого поэта и царедворца. Когда Державину минуло семь лет, он находился с отцом в Ставрополе и в годовщину своего рождения, 3 июля 1750 года, вместе с братом был представлен в местную провинциальную канцелярию, а в августе они «смотрены» в оренбургской губернской канцелярии. В выданном оттуда отцу паспорте сказано, что «Гаврила по седьмому, а Андрей по шестому году уже начали обучаться своим коштом¹ словесной грамоте и писать, да и впредь же их, *ежели время и случай допустит*, желает оный отец их своим же коштом обучать арифметике и прочим указным наукам до указных лет». Дети отданы были опять отцу с обязательством, согласно указам, как им 12 лет будет, «объявить» их на второй смотр.

Случай в самом деле допустил Державина продолжать ученье в Оренбурге, в школе знаменитого в своем роде немца Розе. Приговоренный к каторжной работе, последний вместо Сибири попал в Оренбург благодаря памятному в летописях края первому губернатору Неплюеву. Он перевел самый город на удобнейшее место и, не брезгуя ссылаемыми в Сибирь, искал среди них работников для построек, мастеров и купцов. Розе сумел извлечь выгоду из своего положения в

этом городе. Местное дворянство охотно стало отдавать детей в заведенную им школу. По свидетельству Державина, он был развратен и жесток, а вместе с тем круглый невежда.

Пробыв у Розе года два или три, Державин, однако, умел уже читать, писать и говорить по-немецки. Такой результат нельзя считать маловажным. Розе сообщил ему также твердый, красивый почерк, и мальчик благодаря этому упражнению пристрастился к рисованию пером. В промежутках между уроками он срисовывал с лубочных картинок богатырей, раскрашивая их чернилами и охрой. Таким-то образом, говорит биограф Державина, уже в детстве его начала проявляться та неутомимая деятельность, которая навсегда осталась отличительной чертой поэта.

В 1754 году отец умер. Сыну в это время шел двенадцатый год. «Гарнизонный школьник» Лебедев, а потом штык-юнкер Полетаев готовили его ко второму смотру по арифметике и геометрии. Оба они мало знали, довольствовались первыми действиями, а в геометрии – черчением фигур. Державин на всю жизнь остался плохим математиком.

Пятнадцатилетним юношей Державин поступил в казанскую гимназию. 21 января 1759 года – день поступления его в гимназию – было вместе с тем и днем ее открытия. До того в Казани, как и по всей Руси, существовали только гарнизонные школы. Казанская гимназия явилась чем-то вроде колонии Московского университета с его гимназией. Основанием своим она была обязана представлению просвещенного вельможи И.И. Шувалова.

Московский университет сперва послал в Казань одного из учителей своей гимназии в качестве разведчика и устроителя, а затем директором гимназии назначен был один из трех ассессоров, состоявших при университете. Это был известный своей литературной деятельностью М.И. Веревкин.

Братья Державины были в числе первых 14 дворянских детей, вступивших в гимназию. Число учеников, однако, быстро возросло до девяносто пяти.

Веревкин, несмотря на некоторые недостатки, вполне оправдал свое назначение: он неутомимо заботился об успехах молодежи. Одна борьба за приобретение учебников доставила немало хлопот. Более 30 учеников должны были довольствоваться шестью экземплярами немецкой азбуки. Понимая уже значение, какое могла иметь Казань для изучения восточных языков, Веревкин предлагал открыть при гимназии класс татарского языка: «Со временем, – писал он, – могут на нем отыскиваться быть многие манускрипты; правдоподобно, что оные подадут может быть и не малый свет в русской истории».

Впрочем, что касается преподавания в гимназии, то, по свидетельству самого Державина, главной целью было *научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматике*. Предметов преподавания значилось столько же, сколько и теперь, но в результате, по недостатку учителей, уходили немногим дальше пансиона Розе. Продолжая начатое, Державин и здесь больше всего успел в немецком языке, что положило, конечно, начало его развитию и знакомству с немецкой литературой.

Особенную охоту продолжал выказывать Державин (мы говорим о его рисунках у Розе) к «предметам, касающимся воображения»: к рисованию, музыке и поэзии. Более практическое применение эти способности получили в черчении. Его чертежи и рисунки пером не только понравились Веревкину, но дали послед-

нему право похвастать перед Шуваловым во время поездки в Москву. Этот вельможа, заботившийся много о развитии искусства в России и незадолго перед тем основавший Академию художеств, был приятно поражен неожиданными плодами учения в отдаленной полутатарской стране.

Те, чьи работы были представлены Шувалову, удостоились записи в гвардейские полки по их желанию, а *один из них* – Державин – был объявлен кондуктором инженерного корпуса.

Веревкин награжден был тем, что со званием директора гимназии соединил назначение товарищем казанского губернатора. Известие о наградах по возвращении Веревкина в Казань произвело большую радость в гимназии. Ученики надели мундиры; с тех пор Державин в кондукторской форме исполнял на училищных празднествах обязанность артиллериста и фейерверкера.

По мере своего развития Державин все более выделялся среди товарищей. Веревкин скоро оценил не только его талант к рисованию, но также бойкость, подвижность, энергию и настойчивый характер. Предпринимая поездки по своей должности, он стал брать Державина для канцелярских надобностей во главе нескольких других молодых, способных людей. Целью одной, например, такой поездки было снятие плана с города Чебоксары. Веревкин сам не стеснялся ничем при выполнении своих намерений, действовал круто, задерживая суда на Волге и сгоняя бурлаков для тасканья чудовищных рам шириной в восемь сажень, с железными связями и цепями. Рабочие несли эти рамы поперек улицы; когда какой-нибудь дом выступал вперед и не давал пройти раме свободно, над воротами писалось: ломать. Так производилось на Руси равнение городов, заводился немецкий порядок. Между тем Державин чертил огромной величины план на чердаке большого купеческого дома, так как ни в одной обыкновенной комнате чертеж не мог уместиться. План остался недоделанным: его пришлось свернуть, уложив под грузом на телегу, и отвезти в Казань.

По поручению Шувалова Веревкин должен был исследовать развалины древней столицы Болгарского царства.

Пробыв в Болгарах несколько дней, Веревкин соскучился и уехал, оставив там Державина. Последний с товарищами работал до глубокой осени и привез в Казань описание развалин, план бывшего города, рисунки остатков некоторых строений, надписи с гробниц, наконец, собрание монет и других вещей, вырытых из земли.

Державин не успел кончить и скучного гимназического курса, как в начале 1762 года пришло из Петербурга требование явиться немедленно в Преображенский полк. Каким образом это случилось и куда девалось его назначение кондуктором, неизвестно. Вероятно, причиной тому были военные обстоятельства, неурядица и потребность в солдатах. В это время, со смертью Елизаветы, новый император Петр III замышлял поход в Данию одновременно с Семилетней войной и приказал потребовать в полки всех отпускных. Вследствие этого наступила очередь и для Державина.

Мы встретим его теперь в Петербурге, рядовым, в казармах полка.

Из Казани Державин приехал в Петербург в марте 1762 года и был зачислен рядовым в третью роту Преображенского полка. У него, как сам он говорил, «протекторов» не было, и вот главная причина, почему он только через десять лет получил первый офицерский чин. Одновременно с ним также рядовым поступил

в полк Новиков. Между тем Фонвизин при поступлении в Московский университет был записан уже сержантом и не служил в полку.

Первое время службы было особенно трудно. Державин не имел ни родных в Петербурге, ни средств, достаточных для жизни, и его поместили в казармах вместе со сдаточными, то есть рекрутами из крестьян. По рассказу И.И. Дмитриева, Державин пошел на хлебы к семейному солдату. Стали его учить ружейным приемам очень усердно, так как Петр III был большой охотник до военных учений. Новичок, впрочем, показал хорошие успехи и скоро мог участвовать в параде перед императором.

Так началась солдатская жизнь Державина. Вместе с другими поэт наш должен был ходить на учения и стоять на карауле, отправлять разные черные работы, чистить каналы, разгребать снег и так далее. Понятно, что двенадцать лет такой жизни и службы составляют безотрадный период в биографии автора «Фелицы». К счастью, три месяца спустя после приезда Державина произошло событие, которое изменило весь характер эпохи и отразилось на всем окружающем. Мы говорим о воцарении Екатерины II.

Преображенский полк участвовал в событиях 28-го июня. По словам поэта, третья рота вместе с прочими прибежала к Зимнему дворцу, вокруг которого уже прежде расположились полки Семеновский и Измайловский. Преображенцы поставлены были внутри дворца и приведены архиепископом к присяге императрице, которая также успела приехать во дворец в сопровождении измайловцев. (В этом полку служил Новиков.) Державин был очень поражен тем, что видел, но не знал тогда, кому сочувствовать. Юноша, прибывший из Казани со школьной скамьи, мало интересовался политикой и мало понимал, конечно, в обстоятельствах времени. Он был занят собственным устройством, новизной казарменной жизни, заботами о будущем. К тому же накануне переворота у него из-под подушки украли деньги, и этот «неприятный случай сделал его совсем невнимательным к вещам посторонним», говорит он в своих записках.

Со времени коронации Державин попадал несколько раз то в Москву, то в Петербург.

В Москве первое время продолжал он жить в казармах, где было не до ученья. Будущий поэт стремился к другому. Услышав, что Шувалов, находясь в Москве, намерен ехать за границу, он задумал попытаться воспользоваться этим случаем попасть в чужие края.

Написав письмо, в котором просил своего некогда начальника и покровителя взять его с собой, он отправился к вельможе и подал ему просьбу в прихожей, где дожидались многие. Шувалов собирался ехать во дворец. Он остановился, прочел просьбу и велел прийти за ответом. Однако Державин сам больше не явился. Дело расстроила тетка его, которая видела в путешествии источник всякой ереси и самого Шувалова считала *фармазоном*. Так называли «отступников от веры, еретиков, богохульников, преданных антихристу».

Простое звание солдата, жизнь в казармах и скучные средства долго не позволяли Державину ни учиться, ни свести приличное знакомство. Между тем избыток сил расходовался на буйные забавы, игру и приключения.

В Москве как простой солдат Державин между прочим разносил офицерам своего полка вечерние приказы. Они стояли в разных частях Москвы, и ему приходилось бродить ночью. Прогулки по пустынным, занесенным снегом

улицам не всегда даже были безопасны. Однажды на Пресне он «потонул было в снегу». В другой раз напали на него собаки, и он спасся только благодаря тесаку.

Взамен случая и протекции Державин обладал настойчивостью характера и смелостью в искации путей для выдвижения. Он подал просьбу своему начальнику, знаменитому впоследствии графу Алексею Григорьевичу Орлову, жалуясь на несправедливость, и получил чин капрала. А несправедливость по службе была отчасти следствием его страсти к литературным опытам. Он осмелял в каких-то станах полкового секретаря, стихи пошли по рукам, попались обиженному, и последний стал вычеркивать Державина из списков на производство в чины.

Пить много, говорит Державин, он никогда не любил. Однако проводил ночи в кабаке и в компании товарищей пристрастился к игре в карты и разным беспчинствам.

Однажды во время отпуска из Петербурга, находясь в Москве и оставаясь там сверх разрешенного срока, он проиграл деньги, полученные от матери на покупку имения; с отчаяния он занял деньги у Блудова, купил деревню на свое имя и заложил ее вместе с материнским имением, не имея на то права. «Когда же не было окончательно на что играть и жить, то, запершись дома, ел хлеб с водой и марал стихи при слабом иногда свете полуничной сальной свечи или при сиянии солнечном сквозь щелки затворенных ставней». Между тем просрочка отпуска могла его погубить. К счастью, новый полковой секретарь Неклюдов спас поэта, причислив его к московской команде.

Оставаясь в Москве, он продолжал вести тот же беспорядочный образ жизни и испытал, конечно, немало неприятностей. Будущего статс-секретаря мудрой Фелицы окружили однажды на улице будочки при звуках трещоток и, взяв под узды лошадей, повезли через всю Москву в полицию за сумасшедшую езду по городу на карете четверней. Сутки просидел он под караулом. Дело было довольно казусное. Его хотели заставить жениться на дочери приходского дьякона... В другой раз один из его трактирных приятелей, подозревая Державина в шашнях и оскорблений замечаниями насчет своей жены, заманил его к себе в дом с целью угостить палками. Там собралось несколько человек, и Державину было несдобровать. Среди шума и спора лежавший на постели здоровенный, приземистый малый неожиданно обратился к хозяину и сказал: «Нет, брат, он прав, и ежели кто из вас тронет его волосом, то я вступлюсь и переломаю вам руки и ноги». Все онемели. Это был приезжий землемер, поручик Гасвицкий. Между ним и Державиным завязалась здесь дружба на всю жизнь, как свидетельствует оставшаяся переписка.

Сознание нравственного унижения не угасло, однако, в Державине, и жизнь эта стала наконец для него невыносимой. Совесть пробудилась, он решил вырваться из окружавшей его среды и прежде всего оставить Москву. В марте 1770 года Державин занял пятьдесят рублей, бросился в сани и поскакал в Петербург. В Твери его чуть не удержал один из прежних друзей, но он, поплатившись всеми деньгами, успел, однако, вырваться дальше. Ехавший из Астрахани садовый ученик, который вез ко двору виноградные лозы, ссудил его пятьдесятью рублями, но и эти деньги он в новгородском трактире проиграл почти все. У него оставалось, сколько нужно было, на проезд да крестовик, полученный от матери, который он сохранил до конца жизни.

Так явился Державин в столицу.

Борьба с самим собой перед отъездом из Москвы выразилась в стихотворении «Раскаянье», в котором он, сравнивая Москву то с Вавилоном, то с магнитной горой, сознается, что она неодолимой силой влечет его к себе. «Повеса, мот, буйя, картежник, – говорит он о себе, – очутился, и вместо, чтоб талант мой в пользу обратить, порочной жизнью его я погубил».

Вовремя и кстати собрался Державин уехать из Москвы. Там начиналась моровая язва и вслед за ней – буйство и волнение народа. Грозившая опасность, вероятно, способствовала также минорному настроению воина-поэта и его раскаянию в грехах.

В Петербург ему не сразу позволили въехать. Приходилось просидеть две недели у карантинной заставы. Чтобы сократить срок, Державин пожертвовал пожитками и позволил сжечь сундук, в значительной мере наполненный его опытами в литературе. Не все его ранние произведения при этом погибли: кое-что сохранилось в тетради.

Первые пробы пера Державина носили своеобразный казарменный характер. С самого вступления в полк юноша приобрел некоторую известность среди солдат переложением на рифмы бывших в ходу «площадных прибасок» насчет каждого полка. Это забавляло, конечно, товарищей, но, кроме того, они, а особенно жены их, сумели эксплуатировать его грамотность с пользой и стали просить писать для них грамотки к отсутствующим родственникам. Державин, выросший на Волге, знакомый хорошо с народом и бурлаками, искусно употреблял простонародные выражения и заслужил всеобщее расположение сослуживцев; часто они исполняли за него разные работы.

В Петербурге, в чине уже капрала, Державин оказывал сослуживцам офицерам подобного же рода услуги пером. Он писал для них то деловые бумаги, то письма, между прочим, даже интимного содержания, поэтически более или менее выражая пламенные страсти офицерских сердец. Кроме того, иногда он подносил им в подарок копии пером с гравированных портретов Елизаветы и других. По словам Державина, честные и почтенные люди полюбили его и имели на него хорошее влияние. Они же вскоре помогли ему получить первый офицерский чин.

Несмотря на интриги, друзья настояли на производстве его в офицеры гвардии, тогда как недоброжелательное начальство решало за бедностью выпустить Державина в армейские офицеры.

Двадцати восьми лет от роду Державин впервые, наконец, удовлетворил свое самолюбие, хотя «бедность, – говорит он, – была для него великим препятствием носить звание гвардейского офицера с приличием: особливо так как тогда более даже, нежели ныне (то есть в царствование Александра I), блеск богатства и знатность предпочитались скромным достоинствам и ревности к службе». Державин получил из полка ссуду, сукно, позумент и прочее. Продав сержантский мундир и призывав еще денег, он купил английские сапоги и карету, старенькую правда, да еще последнюю в долг, но зато это значило обзавестись *всем нужным!* Жил он в то время на Литейной, где помещались и казармы, в маленьких деревянных покойчиках, хотя бедно, однако порядочно, устранившись от всякого развратного сообщества, «ибо, – прибавляет он, – и я имел любовную связь с одною хороших нравов и благородного поведения дамою. Как был очень к ней привязан, а она не допускала меня от себя уклоняться в дурное знакомство, то и исправил